

С Т Е Н О Г Р А М М А

парламентских слушаний на тему "К 25-летию Конституции Российской Федерации. Вопросы обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина"

21 ноября 2018 года

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Уважаемые коллеги! Мы с вами выждали какое-то время, чтобы все, кто собирался, могли доехать. Я предлагаю начать, потому что у всех сегодня есть еще ряд мероприятий. У нас присутствуют представители ведомств, министерств, которые должны тоже дальше продолжать свою работу.

Уважаемые друзья! В соответствии с планом основных мероприятий и мониторинга Совета Федерации на осеннюю сессию 2018 года наш комитет – Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству – совместно с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации проводит парламентские слушания "К 25-летию Конституции Российской Федерации. Вопросы обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина".

В нашей работе принимают участие Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Москалькова Татьяна Николаевна, члены Совета Федерации, представители Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, Министерства просвещения, Счетной палаты, Федеральной палаты адвокатов, Общественной палаты, Торгово-промышленной палаты,

члены Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Ассоциации юристов России, судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, научные работники. То есть у нас с вами сегодня достаточно представительное собрание. Я думаю, что мы сегодня действительно серьезно обсудим не только то, что было, но и то, что дальше должно быть.

Уважаемые коллеги! 12 декабря мы с вами будем праздновать 25-летие нашей Конституции, которая была принята всенародным голосованием. Она дала мощный импульс для становления демократических институтов и гражданского общества в Российской Федерации, стала надежным ориентиром поступательного развития государства и его правовой системы. Наш основной закон выдержал испытание временем, стал залогом стабильности, согласия в стране. Конституция — это не только фундамент для социально-экономических и общественно-политических процессов, но и план будущего России. Мы гордимся своей Конституцией, но, для того чтобы ее потенциал был реализован, всем нам необходимо неукоснительно соблюдать законы, знать свои права и выполнять обязанности.

Важнейшей задачей, которую успешно решает действующая Конституция, является обеспечение гарантий прав и свобод человека и гражданина, которые признаны высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — это обязанность государства. Предлагаю сегодня обсудить вопрос обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Предлагаю следующий регламент: на выступления предоставить по три — пять минут, потому что количество

записавшихся очень большое. И постараемся провести наши парламентские слушания в течение двух часов.

Я прошу обратить внимание: если у кого будут предложения, но по какой-то причине вы не сможете выступить, не успеете или какая-то другая причина будет, мы ждем их сегодня, завтра, послезавтра. Берем три-четыре дня.

Для всех, кто хочет дополнительно задать вопросы, у нас стоит микрофон. Вопросы и выступления — в конце, после наших докладчиков, если возможно. Хорошо?

Переходим к работе.

Дорогие друзья, я с особым удовольствием предоставляю слово Москальковой Татьяне Николаевне, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. С ее приходом качественно изменились... Я несколько слов скажу, потому что действительно стоит это отметить. С приходом Татьяны Николаевны качественно изменились взаимоотношения законодательных органов власти и уполномоченного по правам человека. Мы видим, как работает уполномоченный в субъектах, мы видим, как уполномоченный взаимодействует с законодателем. Это новый совершенно этап работы. И я с удовольствием это отмечаю. Спасибо.

Т.Н. МОСКАЛЬКОВА

Я со своей стороны тоже благодарю Совет Федерации, Елена Владимировна, Вас и Андрея Александровича Клишаса. Не потому, что "кукушка хвалит петуха", а потому, что действительно практика совместных парламентских слушаний началась не так давно — практика совместных парламентских слушаний уполномоченного по правам человека и комитета Совета Федерации.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Те, кто встретил 1991 год в зрелом возрасте, помнит шок по поводу принятия фактически

новой общественно-экономической формации. Многие из нас (я — точно) ходили на эти большие митинги, где провозглашались совершенно необыкновенные для того времени вещи, которые в 1993 году получили закрепление, — многопартийная система, прямые выборы президента и парламентские, свобода передвижения, нет железного занавеса, частная собственность, социальная ответственность государства и реабилитация невинно привлеченных к уголовной ответственности — то, что в 1954 году появилось под грифом "секретно" (первые возможности реабилитации), в 1960 году имело гриф "не для печати", и после 1991 года сформировался институт реабилитации. Все институты государственной власти претерпели коренные изменения. Впервые появляется самостоятельная глава "Права и свободы человека и гражданина", происходит переосмысление прав человека, и возникает совершенно иное отношение к ним — когда человек, его права и свободы — высшая ценность в государстве. Это нужно вспомнить и понять все эмоции, и сомнения, и смятение души, и восторг принятия нового времени, потому что, конечно, все это вызревало у нас на маленьких кухнях в пятиэтажках, в наших научных дискуссиях. И сегодня, конечно, мы должны сказать, что это была революция — революция в идее, революция в законодательстве, революция в праве.

И впервые (поскольку я уполномоченный по правам человека, я сделаю на этом акцент) в истории Российского государства появляется институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Конституция закрепляет его как самостоятельный, независимый, гарантирующий права и свободы человека и гражданина. Закон появился не сразу на основе Конституции — только спустя пять лет, но это было очень важным

событием с точки зрения вливания, вхождения в международную систему правовых отношений. И в 1997 году появляются первый закон и первый уполномоченный по правам человека (тоже не сразу избранный, потому что система трудно принимала этот институт), который должен давать указания и обращаться к прокуратуре, к суду, а самое главное – напрямую прийти к президенту и доложить ему о реальном положении дел с правами человека.

Сегодня этот институт набрал силу. И в зале присутствуют мои коллеги – уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации. На протяжении 25 лет на основании Конституции формировался этот институт, и в прошлом году этот процесс завершился. В каждом, буквально в каждом субъекте есть уполномоченный по правам человека, и есть закон, и есть порядок выбора и полномочия.

Сегодня мы пришли к новому этапу понимания института уполномоченных по правам человека и благодарны Совету Федерации, который нашу идею подхватил и воплотил ее сегодня в жизнь – идею создания первого в истории российского законодательства комплексного межотраслевого законодательного акта о правовом регулировании деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Анализ деятельности уполномоченного и уполномоченных позволяет нам показать, какие же сегодня у нас преимущества и недостатки в реализации норм Конституции. Первое – основа есть, и под ней полностью отстроился правовой каркас нового государства – все кодексы и все законодательные акты, регулирующие все направления деятельности. Второе – многие нормы сегодня, к сожалению, являются декларативными, не

обеспеченными до конца и наносят вред, нарушают права человека и гражданина.

Анализ показывает, что больше всего нарушений прав у нас в социальной сфере. Больше половины – это нарушение прав на жилище, на достойные, доступные и качественные медицинское обслуживание и образование. А на втором месте – блок нарушений в уголовно-процессуальной системе. Из 42 тысяч обращений, которые поступили только ко мне, как к уполномоченному, почти 50 процентов – это жалобы людей на отказ в возбуждении уголовного дела. А что такое отказ в возбуждении уголовного дела? Это отказ потерпевшему в доступе к правосудию. Только судья может сказать, что он не имеет возможности возместить ущерб – моральный, физический, материальный. Также поступают жалобы на длительные сроки содержания под стражей, избыточное применение именно содержания под стражей и игнорирование, можно сказать, других мер пресечения. Большое количество и жалоб на несправедливость суда.

И тем не менее, как ни странно, справедливость – самая главная категория для уголовно-процессуальной тематики, которая является единственной сферой, где возможно столь острое вторжение государства в личную жизнь человека. Принцип справедливости есть в Уголовном кодексе, а в Уголовно-процессуальном кодексе его нет.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Как это нет?

Т.Н. МОСКАЛЬКОВА

Как принципа нет.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Как это нет? Есть.

Т.Н. МОСКАЛЬКОВА

К сожалению, он звучит совершенно иначе в уголовном процессе. И сегодня мы должны очень серьезно посмотреть, как можно переформатировать, усовершенствовать и дополнить наше законодательство, чтобы каждая норма Конституции Российской Федерации была не декларативной, а реальной.

И в связи с этим мы, конечно, очень серьезно начали работать и на международной площадке в рамках ЦУР – это наши цели устойчивого развития мирового сообщества и России. Именно Конституция смогла позволить нам не просто международные нормы сохранить, но и стать, может быть, для международных институтов права "третьим Римом" и взять на себя обязанности сохранения разоружающейся и разъедающейся международной системы.

Вот эти основные вопросы я хотела бы поднять перед коллегами как дискуссионные, пожелать всем хороших, острых выступлений. И нужно отразить в резолюции своевременность и необходимость развития института уполномоченных по правам человека и продвижения вперед, расширения полномочий не только уполномоченных, но и всех институтов гражданского общества. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо большое, Татьяна Николаевна.

Вы упомянули, что люди в основном в части ущемления своих прав ставят вопрос о защите жилья и труда, что, наверное, действительно для каждого важно. Без крыши над головой и без возможности заработать себе на жизнь очень трудно человеку не то что прожить – невозможно существование человека в принципе.

Конечно, очень жалко, что у нас сегодня нет уполномоченного по правам ребенка, потому что защита прав детей на сегодняшний день в Российской Федерации тоже стоит очень остро. Я с сожалением говорю, что она не смогла подъехать, потому что эти вопросы тоже нужно поднимать.

И Елена Борисовна Мизулина, моя коллега, заместитель председателя нашего комитета, очень много времени (практически все свое время) посвящает защите прав семьи, детей. Я думаю, что она сегодня в своем выступлении тоже этого коснется. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Только времени-то три – пять минут.

Я прежде всего хотела бы обратить внимание на то, что справедливость есть в Уголовно-процессуальном кодексе, но она есть в той статье, где это правомерно употреблять, – это статья 297, касающаяся приговора. Мы впервые это внесли в 2001 году – законность, обоснованность и справедливость приговора. Более того, в статью 17 ("Свобода оценки доказательств") мы впервые включили термин "совесть". Это даже не просто термин (это юридический термин), а это морально-нравственная категория, то есть когда судья принимает решение, руководствуясь законом и совестью. Мы заменили вот это внутреннее убеждение, которое не имеет никакой нравственной оценки, термином, который свойственен именно нашей ментальности – ментальности русского человека, ментальности россиянина, если под словом "русский" иметь в виду культуру, язык, а не национальность, чего я, например, всегда придерживаюсь.

Т.Н. МОСКАЛЬКОВА

Елена Борисовна, но в главу "Принципы уголовного судопроизводства" справедливость не вошла.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это принцип... Смотрите, Уголовно-процессуальный кодекс построен... Здесь есть те, кто участвовал в разработке. Мы с вами возвращаемся к чему? Есть ряд процессуальных принципов, которые относятся к процессу в целом, и они – в общей части (то, о чем Вы говорите), в принципах, а есть принципы, которые относятся к отдельным стадиям уголовного процесса.

Поэтому то, что касается оценки доказательств по совести, – это относится ко всем: и к следователю, и к дознавателю – ко всем, кто принимает процессуальные решения. Но сам термин "справедливость", может быть (надо поспорить), шире, чем только справедливость наказания и справедливость приговора, как окончательного решения по делу. Может быть. Давайте мы это обсудим. В принципе я думаю, что настало время мне тоже возвращаться к этой теме. Но сейчас – о другом, особенно учитывая время.

Уважаемые коллеги, я выступаю не просто как заместитель председателя, я позволю себе выступать сегодня как доктор юридических наук и профессор. В таком качестве я пришла 25 лет назад в парламент, потому что период моей парламентской деятельности совпадает с историей Конституции. И, более того, в 1993 году предложение об участии в выборах и в Госдуму, и в Совет Федерации (я не случайно тогда выбрала Совет Федерации) поступило от нескольких разных политических организаций. Тогда наши кандидатуры могли выдвигать многие общественные и политические организации (меня выдвинули три). И это было связано прежде всего с тем, что мне довелось участвовать в обсуждении проекта Конституции в 1993 году (я была одним из экспертов в областном совете). И думаю, в том, что Ярославская

область проголосовала за Конституцию 1993 года в своем большинстве, наверное, есть доля и моего участия. Но вопросами Конституции я начала заниматься гораздо раньше. Целая группа энтузиастов, ученых (я еще была кандидатом наук, когда произошел путч) начала с августа выпускать "хронотопы" – то есть как развиваются политические события. Региональный исследовательский центр у нас был создан, и мы начали отслеживать события относительно того, как меняется Россия, и фиксировать их. И фактически половина второго "хронотопа" – это мои исследования, связанные с изучением Конституции, конституций других государств. И я замечу, что у меня к 1993 году, когда я выступала официальным экспертом и давала заключение в Ярославле, была точка зрения относительно того, что конституция всегда появляется там, где кризис, – как способ разрешения кризиса.

Но моя позиция была связана с тем, что Конституция ценна, имеет исторический, правовой смысл именно потому, что она должна устанавливать пределы власти, то есть ограничивать правителей, если проще так сказать. А глава "Права и свободы человека и гражданина" (я об этом специально писала, в частности, здесь дана оценка одному из вариантов проекта Конституции 1991 года Конституционной комиссии по подготовке проекта Конституции, которую Олег Румянцев возглавлял), которая в принципе похожа и на главу Конституции РСФСР, у меня вызывала возражения или сомнения относительно того, зачем перечислять права граждан в Конституции: мы увлекаемся регулированием этих прав в Конституции, а будет ли это работать в реальности? Потому что ведь человеку не важно, на конституционном уровне его права закреплены и гарантированы, законом, ему важно, чтобы это работало реально. Совершенно понятно (и жизнь это потом

показала), что от закрепления на конституционном уровне прав и свобод гражданина до их реального воплощения проходят годы.

Так вот, когда проект Конституции принимался, я поддержала и в этой части Конституцию. Почему? Потому что я считала и считаю, что нынешняя Конституция, 1993 года, которая родилась в очень сложных политических условиях (фактически изучение тех материалов, которые Румянцев издал, и тех, которые сейчас Сергей Александрович Филатов издал, подтверждает эту версию), в тяжелейшей конфронтации и борьбе двух идеологий – идеологии коммунистической, социалистической, идеологии одной партии, основанной на административно-командной системе, которую, казалось, никогда не разрушишь, и новой идеологии – идеологии, где права человека и сам человек становятся ценностью, не власть, не некоторые высокие цели, а именно человек, его благополучие и счастье... И, естественно, я полагала и полагаю, что, для того чтобы дать возможность развития права, общества, наверное, надо на конституционном уровне, в Конституции отступить от классической версии Конституции, как только пределы власти и пределы деятельности правителей (ограничение деятельности правителей), но закладывать и те правовые ценности, которые важны для общества, потому что они дают, как теперь говорят, "дорожную карту". Наверное, это так.

Так вот, глава "Права и свободы человека и гражданина" ценна прежде всего тем, что в ней есть практически самостоятельный раздел – раздел, который касается взаимоотношений суда и гражданина. 10 статей практически касаются именно уголовного правосудия, и еще несколько статей касаются правосудия в целом, взаимоотношений суда и граждан.

И в 1993 году как можно было быть против? Ценнейшие нормы, положения (та же презумпция невиновности, суд присяжных, запрет повторного осуждения, запрет применения закона, который устанавливает более жесткую ответственность и так далее) – конечно, "за". К тому же Конституция – прямого действия. Надо понимать, что в 1993 году мы имели опыт только Конституции, которая была декларативной, на нее суды не ссылались. Даже в самом парламенте, в Государственной Думе, ушло большое количество времени (я на все заседания ходила с Конституцией) на то, чтобы стало привычным и нормой ссылаться на положения Конституции. Сегодня это норма, а 25 лет назад это было невозможно, практически рассматривалось как... немножко "с легким паром", скажу, те, кто на это ссылался.

Так вот, эти положения, поскольку мне довелось в 2000-х годах участвовать в реализации положений Конституции, содержащихся в главе "Права и свободы человека и гражданина", касающихся уголовного правосудия, в начале 2000-х (заметьте, Конституция 1993 года)... До 2000 года была создана рабочая группа по подготовке Уголовно-процессуального кодекса, а затем еще вновь избранным президентом (тогда Владимиром Владимировичем Путиным) была создана большая рабочая группа по совершенствованию вообще законодательства о судебной системе, где мне было доверено возглавить подгруппу по УПК.

Так в чем состояла моя работа, как парламентария? Фактически только отбивать многочисленные законодательные инициативы (практически еженедельные – минимум), которые были направлены на то, чтобы убрать ограничение, связанное с 48 часами, арест без решения суда и многое другое. Я уже не говорю о суде присяжных. Только в 2001 году, когда был принят Уголовно-

процессуальный кодекс, эти положения были закреплены. Хотя тоже были некоторые отступления и компромиссы, поскольку была огромная борьба в части положений Конституции, их трактовок. Но я обращаю внимание: суд присяжных! Причем пришлось столкнуться с самой судебной системой – судебная система не хотела вводить суд присяжных. И до сих пор суд присяжных как школа народного правосудия, как гарантия против коррупции, гарантия справедливости правосудия... фактически все время чинились огромные препятствия тому, чтобы это было введено.

Замечу (может быть, только самые близкие знают, как это было): ведь 1 января 2002 года, когда должны были быть введены суды присяжных на всей территории Российской Федерации, существовала угроза, что этого не будет. Только 27 декабря был принят закон о поправке в новый Уголовно-процессуальный кодекс, который разделил все регионы на пять групп, чтобы ввести поэтапно суд с участием присяжных. Пришлось это все писать просто моментально, продавливать – конечно, при поддержке Дмитрия Николаевича Козака и Владимира Владимировича Путина (без него это было бы невозможно). Так вот, суд присяжных до 2010 года, получилось в итоге, был введен на территории всей Российской Федерации. То есть 1993 год и 2010 год – смотрите, сколько лет ушло только на это!

А сегодня опять (Татьяна Николаевна подтверждает) в сфере уголовного правосудия проблемы. Я не буду затрагивать то, какие изменения вносились и вносятся разными лоббистскими группировками в Уголовно-процессуальный кодекс, разрушают его и разрушают конституционные нормы. Я иначе не могу это назвать: это диверсия, правовая диверсия.

Но есть один момент, который не был учтен в Конституции 1993 года, но который нам предстоит учесть. Ведь на самом деле мы получили Конституцию не в 1993 году, а 23 апреля 1906 года, когда были приняты Основные государственные законы Российской империи, где были права и свободы человека — назывались "права и обязанности подданных Российской империи". То есть на самом деле эта попытка была еще в начале XX века.

Так вот, историческая преемственность, в том числе правовые традиции, без которых и совесть как ценность, и справедливость как ценность не будут работать, основываются в том числе на чем? На понимании того, что такое "справедливо", на моральных ценностях. Что было всегда в России в основе этого внутреннего убеждения и совести тех, кто принимал решения? И что противодействовало коррумпированности этой среды? Религиозный фактор. В России традиционно формирование совести, нравственных представлений было связано с отношением к религии, в частности к православию.

Учитывался этот фактор, когда принималась нынешняя Конституция? Нет. Я специально просмотрела все материалы. К сожалению, моменты, связанные с тем, как формируются наши исторические правовые традиции, в чем сила этих правовых традиций... В России всегда понятия права и правды были одинаковы, и правда и справедливость — сильнее, чем закон. Понятия закона и правды никогда в российской традиции не совпадали. Для того чтобы закон стал правдой, был справедливым, очень многое надо изменить. То есть в конце концов какой-то общий источник формирования этих нравственных устоев должен быть.

Поскольку здесь ссылаются на международные нормы, могу сказать, что, изучая правовые традиции... То есть правовая традиция

Спасибо огромное.

Вообще, конечно, слово "справедливость"... Если мы не будем одинаково к этому относиться, мне кажется, Конституция здесь не поможет. И когда некоторые чиновники заявляют, а другие подтверждают, что можно прожить на 3,5 тысячи и остаться еще здоровым, о какой справедливости можно говорить? И каждый день (это уже какая-то волна поддержки пошла) какой-нибудь чиновник своими словами начинает подтверждать, что можно прожить на 3,5 тысячи.

Поэтому, уважаемые коллеги, справедливость – вот такая штука, как и правда. Я надеюсь, что у нас с вами есть общее понимание, что такое справедливость. И я не надеюсь, я уверена, что здесь сидят люди, которые действительно по отношению к себе и к другим имеют совесть и справедливость.

Я передаю слово заместителю Министра юстиции Российской Федерации Новаку Денису Васильевичу.

Д.В. НОВАК

Елена Владимировна, спасибо.

Уважаемые коллеги! Тема сегодня очень широко сформулирована, но я хочу сосредоточиться на одной статье Конституции Российской Федерации, а именно на статье 48. Я ее сейчас процитирую. Никогда не бывает лишним воспроизвести то, что в Конституции написано относительно гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Итак, часть 1: "Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно". И часть 2: "Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право

пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения".

Татьяна Николаевна в своем выступлении упомянула о том, что, к сожалению, несмотря на приближающийся юбилей, отнюдь не все нормы Конституции представляют собой не декларативные нормы, а нормы, реально исполняемые на практике. И, к сожалению, это в том числе касается и статьи 48 Конституции. Я сейчас упомяну об одной законодательной инициативе Минюста, которая нацелена на то, чтобы эту ситуацию улучшить.

Дело в том, что у нас наиболее острая ситуация в необходимости квалифицированной юридической помощи бывает, конечно же, при возбуждении уголовного дела и помещении человека под стражу. Именно поэтому у нас статья 48 не ограничилась частью 1, а специальная норма содержится в части 2, предусматривающая право на незамедлительный доступ к помощи адвоката с самого момента задержания и заключения под стражу или предъявления обвинения.

Но что же у нас происходит на практике? Какое-то время потребовалось (и завершилось это принятием в 2017 году изменений в Уголовно-процессуальный кодекс, президентских поправок в УПК), для того чтобы решить следующую проблему. Раньше нередко возникали проблемы с тем, что без разрешения следователя помещенный под стражу обвиняемый (подозреваемый) не мог получить незамедлительный доступ к адвокату. То есть нужно было сначала сходить к следователю, получить разрешение и потом получить доступ, свидание.

Специально были внесены изменения в УПК после принятого в этом отношении постановления Конституционного Суда много лет

назад, и теперь сказано, что адвокат не "допускается" в уголовное дело, а "вступает" в уголовное дело в качестве защитника. И дополнена статья 49 УПК правилом о том, что в случае необходимости получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым (обвиняемым) по предъявлении удостоверения адвоката или ордера. Вот она, реализация части 2 статьи 48 Конституции.

Казалось бы, что еще нужно для решения проблемы? Оказалось, следующее. Правоохранительные органы толкуют соответствующие положения Федерального закона № 103-ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" в совокупности с новым положением УПК следующим образом. Дело в том, что, пока адвокат не вступил в дело, он, по их мнению, согласно УПК защитником еще не стал. Соответственно, беспрепятственный доступ к свиданию по закону № 103 предоставляется только защитникам, и они полагают, что адвокат, который в дело не вступил, подпадает под общее правило, что необходимо получать разрешение на свидание.

Вроде бы ничего страшного. Что нужно сделать? Всего лишь уведомить следователя о том, что ты вступаешь в дело в качестве защитника. Но это тоже оказывается на практике проблемой. Присутствующие здесь адвокаты подтвердят, что иногда следователь не оказывается на месте, его надо искать, а все это время подозреваемый (обвиняемый) продолжает находиться в СИЗО и не может реализовать своего права на незамедлительный доступ к помощи адвоката.

Минюст России по инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и

правам человека, в том числе во исполнение предложений, поступивших от него, подготовил законопроект о внесении изменений в статьи 18 и 20 Федерального закона № 103 "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений". В нем для устранения этой коллизии (в принципе я считаю, что коллизия — только в правоприменительной практике, ну, ладно), чтобы полностью привести в соответствие с новым положением УПК, предлагается прописать уже прямо в законе № 103-ФЗ, что подозреваемому (обвиняемому) предоставляется свидание с адвокатом в случае необходимости получения согласия подозреваемых (обвиняемых) на участие адвоката в уголовном деле в качестве защитника. И дальше говорится о том, что свидание предоставляется в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть участников свидания, но не слышать их, и предоставляется это свидание по предъявлении адвокатом удостоверения и ордера.

На мой взгляд, здесь есть то, чего действительно недостает, для того чтобы все пробелы устранить и исключить эти проблемы. Но, к сожалению, разослав законопроект на согласование в соответствующие министерства, особенно в правоохранительные органы, мы получили отрицательные отзывы. Там есть различные обоснования — с точки зрения юридической техники, с точки зрения того, что надо еще несколько серьезных изменений внести в УПК (например, как в таком случае отбирать подписку о неразглашении у этого адвоката, пока он в дело не вступил, все равно же надо со следователем встречаться для этого). Но на сегодня мы констатируем тот факт, что очень сложно у нас идет процесс реализации нашей законодательной инициативы, которую мы пытаемся через правительство провести, чтобы до конца реализовать президентские

поправки в Уголовно-процессуальный кодекс и сделать реально исполнимой часть второй статьи 48 Конституции.

Кстати, необходимо также упомянуть о том (и в пояснительной записке к этому законопроекту мы это отмечаем), что в том числе необходимость обеспечить незамедлительный доступ задержанного к помощи адвоката, особенно во время полицейских допросов, была включена в пункт 11 заключительных замечаний Комитета против пыток Организации Объединенных Наций к шестому периодическому докладу Российской Федерации, рассмотренному на заседаниях комитета, состоявшихся 8 августа 2018 года (вы помните, в связи с чем и какие вопросы и ситуации обсуждались там).

То есть мы полагаем, что, конечно, проблема требует скорейшего решения, и будем дальше пытаться урегулировать эти разногласия с соответствующими правоохранительными органами. Здесь присутствуют представители Следственного комитета, Министерства внутренних дел, может быть, они прокомментируют это.

Также этот же законопроект направлен на решение еще одной острой проблемы – это включение в Федеральный закон № 103 "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" положений о запрете цензуры переписки адвоката и подозреваемого (обвиняемого) и праве обвиняемого и его защитника обмениваться записями и документами в ходе свидания.

Предлагается для устранения пробела, который сейчас иногда приводит к конфликтам при свиданиях адвоката с подзащитным, предусмотреть, в каких случаях (в исключительных случаях) при общем запрете на цензуру возможно ограничение этого запрета и когда все-таки может быть подвергнута цензуре эта переписка.

Предлагается указать, что это возможно исключительно по решению суда и только в случаях, если имеются основания полагать, что сведения, содержащиеся в записях и документах, могут воспрепятствовать установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, способствовать совершению преступления либо носят иной противоправный характер. Полагаем, что, в общем, эти две темы взаимосвязаны, почему и объединили это в один законопроект.

Но еще раз хочу констатировать, что только Татьяна Николаевна Москалькова (спасибо ей большое) поддержала данную идею из тех, кому мы направляли это на согласование. Поэтому надеюсь, что мы в ближайшее время в этом отношении продвинемся.

Ну и, заканчивая говорить о статье 48, хочу также еще пару слов сказать о бесплатной юридической помощи. Вы знаете, что у нас действует соответствующий федеральный закон – № 324-ФЗ, на основании которого создана развернутая система оказания бесплатной юридической помощи. На сегодня во всех субъектах Российской Федерации приняты нормативно-правовые акты, создавшие базу для оказания этой помощи за счет средств субъектов Федерации в каждом субъекте. Последним из регионов был Севастополь. Все-таки в этом году и там был принят этот закон, и уже началась работа над его реализацией.

Но также хочется, особенно пользуясь тем, что сейчас мы находимся на площадке именно Совета Федерации, упомянуть и о проблемах, которые существуют. В некоторых регионах, к сожалению, не выделяются средства на финансирование соответствующей работы государственных юридических бюро либо адвокатов, участвующих в деятельности государственной системы бесплатной юридической помощи.

Недавно была ситуация с Северной Осетией – Аланией (мы запрашивали сведения об этом). Действительно, в этом году вообще не были выделены средства на эти цели. Правда, Правительство Северной Осетии – Алании в своем ответном письме указало, что планируется выделение этих средств на следующий год.

Я хотел бы членов Совета Федерации попросить обратить внимание в регионах на важность этой проблемы. Это не такие уж серьезные средства, наверное, но они очень важны, потому что в данном случае бесплатная юридическая помощь оказывается наиболее социально уязвимым категориям граждан. Поэтому мы тоже в этом отношении над развитием этой системы работаем (в планах несколько законопроектов), над улучшением, в том числе упрощением работы адвокатов, участвующих в этой системе, с точки зрения отчетности, потому что иногда очень забюрократизирован процесс и нужно собрать миллион документов, чтобы потом получить право на оплату из бюджета этой работы.

Ну и, конечно, здесь нельзя не упомянуть и не поблагодарить в том числе и тех, кто вне системы государственной бесплатной юридической помощи по закону № 324-ФЗ также этой работой занимается. Это уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и уполномоченные в субъектах, это уполномоченные по правам ребенка, это правозащитные организации, в том числе которые действуют при поддержке Ассоциации юристов России, это юридические клиники. Мы тоже хотим (в ближайших планах) сделать более четкой нормативно-правовую базу для их работы и помочь им таким образом эту важную работу осуществлять.

На этом я свое выступление заканчиваю. Я считаю, что шаги в направлении реализации абсолютно полного, неукоснительного исполнения статьи 48 Конституции нам, конечно, обязательно

нужно делать. И Министерство юстиции Российской Федерации считает это своей главной задачей.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Денис Васильевич, скажите, пожалуйста, а есть у Вас сборная информация по поводу того, кто не выделяет средства в регионах?

Д.В. НОВАК

Я упомянул про Северную Осетию – Аланию. В некоторых регионах в этом году тоже такие ситуации были, но (коллеги из Федеральной палаты адвокатов подскажут) в некоторых регионах это было урегулировано. Например, в Кировской области в итоге нашли общий язык и ситуация нормализовалась. Но наиболее, конечно, проблемная ситуация в Северной Осетии – Алании, где пообещали на следующий год эту проблему решить.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Хорошо. Мы сенаторам, нашим коллегам, обязательно передадим эту информацию.

Уважаемые коллеги, я передаю слово Председателю Совета судей Российской Федерации, судье Верховного Суда Российской Федерации, секретарю Пленума Верховного Суда Российской Федерации Момотову Виктору Викторовичу.

В.В. МОМОТОВ

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги! В своем выступлении я хотел бы обратить внимание на часть 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации, которая провозглашает Российскую Федерацию социальным государством. На мой взгляд, этот принцип права определяет характер деятельности и исполнительной, и законодательной, и судебной властей. И, конечно же, я хотел бы обратить внимание на

то, как этот принцип реализуется в деятельности именно судебной власти.

Каковы запросы нашего общества в отношении судебной власти? Конечно же, наши граждане хотят, чтобы наше правосудие было качественным, оперативным, доступным. В принципе этими критериями и определяется социальная эффективность судебной власти. Мы далеки от иллюзии, что наша судебная система совершенна и в том числе законодательство, которое существует, но тем не менее некоторые цифры говорят о том, что мы движемся в правильном направлении. Несмотря на растущую судебную нагрузку, общее число дел, рассмотренных судами в этом году, приближается к 30 миллионам, что на 8 процентов превышает показатели 2017 года, и где-то 98 процентов – это стабильные судебные постановления, которые не обжалуются. То есть из 10 судебных решений, принятых по первой инстанции, граждане обжалуют только одно решение.

Нередко мы слышим о том, что гражданин якобы не может одержать победу в суде над публичной властью, защитить свои социальные права. Такие суждения, на наш взгляд, не имеют под собой каких-либо оснований.

Прежде всего, хотел бы обратить внимание, что именно по инициативе Верховного Суда Российской Федерации в 2015 году принят и вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Основной целью принятия этого законодательного акта было повышение уровня правовой защищенности граждан, которая является слабой стороной в спорах с публичной властью и нуждается в дополнительных механизмах защиты. Такие механизмы нашли отражение в кодексе. В частности, на государственные и муниципальные органы по всем

категориям дел возложено бремя доказывания законности их решений и действий. Практика применения кодекса показала, что победа в споре с органом публичной власти не только возможна, но и высоковероятна. Суды удовлетворяют более 60 процентов требований граждан об оспаривании нормативных и ненормативных правовых актов органов власти, а также половину требований об оспаривании действий (бездействия). В пользу граждан складывается и практика по гражданским делам, по взысканию социальных выплат. Суды удовлетворяют более трех четвертей исков к пенсионному фонду.

Нельзя не упомянуть о резонансных правовых позициях Верховного Суда, связанных с необходимостью применять законодательство о защите прав потребителей к страховым кредитным отношениям, о недопустимости начисления кабальных процентов по договорам микрозайма, об обязанности выплатить потребителю штраф даже в том случае, если требование потребителя добровольно удовлетворено в период рассмотрения дела судом и так далее.

Изложенное очевидно показывает, что правосудие в Российской Федерации становится эффективным механизмом защиты социальных прав граждан. Социальная ответственность российской судебной власти проявляется в оперативности отправления правосудия. Об этом я говорить не буду, потому что кодекс предусматривает это. Я просто скажу о том, что в условиях высочайшей судебной нагрузки, которая не имеет аналогов в правопорядках континентальной и англосаксонской правовых систем, двухмесячные сроки рассмотрения гражданских и административных дел соблюдаются в 98 процентах случаев, а доля соблюдения сроков превышает 99,5 процента. Конечно, в единичных случаях

процессуальные сроки нарушаются, но это происходит по разным причинам: во-первых, из-за повышенной сложности дела, а во-вторых — из-за высочайшей судебной нагрузки.

Что предусматривает государство в таких случаях? В 2010 году по инициативе Президента Российской Федерации, поддержанной, кстати, судейским сообществом, в российское законодательство был введен институт компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и на исполнение судебного акта в разумный срок. Этот институт служит проявлением социальной ответственности судебной власти. Констатируя, что право участника спора на оперативное правосудие нарушено, суд признает за ним возможность получить определенную денежную компенсацию, в том числе и в случае, если принятое судом решение является законным и обоснованным. Более того, право на получение такой компенсации участник спора имеет и в том случае, если решение принято в его пользу. То есть по своей природе компенсация за нарушение права на разумный срок судопроизводства близка к компенсации морального вреда. По существу речь может идти о моральном вреде, причиненном длительностью правовой неопределенности в отношениях сторон.

Психологически граждане не были готовы к этому. Суды были готовы признавать допущенные нарушения и присуждать за них компенсации. Новое дыхание положение о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок получило благодаря постановлению Пленума Верховного Суда в 2016 году. И важнейшее значение имело разъяснение о том, что для получения компенсации гражданину не нужно доказывать ни факт причинения вреда, ни его размер, ни виновность суда, достаточно лишь констатировать факт нарушения разумных сроков судопроизводства.

И я вам хочу сказать о практике. В 2016 году было рассмотрено 637 заявлений о компенсации, в 2017 году – 1128 заявлений, то есть на 77 процентов больше, а только за первое полугодие 2018 года суды рассмотрели уже 1153 заявления о компенсации. При этом судами удовлетворено почти 85 процентов заявлений о компенсации. За 2017 год общая сумма компенсаций составила 86 млн. рублей, за первое полугодие 2018 года – 87,5 млн. рублей. И средний размер присужденной компенсации превышает 90 тыс. рублей. Таким образом, институт компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства стал действенным механизмом защиты граждан.

И я хотел бы обратить внимание еще на два аспекта, полагая, что время ограничено. Важным критерием социальной ответственности правосудия является его доступность. Этот вопрос имеет две составляющие – финансовую и территориальную.

Финансовая доступность правосудия проявляется в том, что для социально незащищенных граждан предусмотрена система льгот при уплате государственной пошлины, включая отсрочку, рассрочку, полное освобождение от уплаты. Например, по делам о защите прав детей, взыскании алиментов, возмещении вреда здоровью, защите прав потребителей и других категорий граждане полностью освобождены от уплаты пошлины. Некоторые граждане освобождены от уплаты госпошлины по любым категориям исков – например, лица с ограниченными возможностями, ветераны боевых действий. Такие льготы являются признаком социальной справедливости доступа к правосудию.

Вместе с тем в настоящее время участники частноправовых споров уплачивают государственную пошлину, а средний размер пошлины составляет 1 тыс. рублей. Мы уже говорили об этом, но

тем не менее я еще раз обращаю ваше внимание, что при подаче апелляционной и кассационной жалоб пошлина уплачивается в одинаковом размере и состоятельными, и малоимущими гражданами. В результате решение экономических конфликтов, конечная цель которых состоит в получении выгоды, осуществляется не за счет самих участников этих конфликтов, а за счет других налогоплательщиков. И подобная ситуация, на наш взгляд, не отвечает критериям социального государства.

Говоря о территориальной доступности правосудия, следует прежде всего обратить внимание, что для всех социально значимых споров законодательство о гражданском и административном судопроизводстве предусматривает принцип подсудности по выбору истца, согласно которому истец вправе предъявить иск не по месту жительства ответчика, а по своему месту жительства. Такие правила действуют в отношении жилищных, трудовых, пенсионных, потребительских и некоторых других споров. В связи с этим, кстати, Верховный Суд и предлагал отказаться от института договорной подсудности, которым нередко пользуются крупные организации, прежде всего финансовые, для навязывания удобной территориальной подсудности.

Расширяется использование систем видео-конференц-связи для приближения правосудия к месту жительства участников спора. В прошлом году было проведено около 1,5 тысячи судебных процессов и совещаний с использованием таких систем. Предусматриваются возможность направления судами в электронной форме любых процессуальных документов, а также возможность составления судебного акта в виде электронного документа. Создается единый портал. То есть происходит цифровизация правосудия.

Подводя итог, следует сказать, что российская судебная система отвечает стандартам социального государства. Мы предпринимаем максимум усилий, для того чтобы совершенствовать судебную систему. Последние наши предложения уже реально воплощены в жизнь. Создаются кассационные, апелляционные суды, которые повысят гарантии правосудия в нашем, российском обществе. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Мне кажется, Ваш доклад надо давать людям, которые хотят судиться, но никак не могут решиться на это. Они сразу будут воодушевлены и пойдут защищать свои права.

В.В. МОМОТОВ

Я свой доклад полностью опубликую на сайте Совета судей Российской Федерации через два часа.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

И можно нам его тоже передать? Мы его тоже используем.

В.В. МОМОТОВ

Конечно, пожалуйста.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо большое.

ИЗ ЗАЛА

Скажите, пожалуйста, мы слушаем друг друга или можно задавать вопросы выступающим?

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Давайте поступим следующим образом: мы сначала послушаем друг друга, а потом будем задавать вопросы.

ИЗ ЗАЛА (тот же)

Но тогда забудем, кто что сказал.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

А Вы запишите, пожалуйста.

ИЗ ЗАЛА (тот же).

Нет, я-то запишу...

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Потому что иначе мы сейчас вступим в диалог, и, к сожалению, этот диалог будет бесконечным.

ИЗ ЗАЛА (тот же).

Ну а какой смысл?.. Человек выступал, и как раз вопрос-то касается того, о чем он говорил.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Я, конечно, дам слово, мне не жалко. Но, если я дам слово одному человеку, другие люди тоже попросят. Я всех уважаю здесь, в этом зале. Давайте...

ИЗ ЗАЛА (тот же).

Потихонечку мы засыпаем под такой стиль работы. Понимаете?

Т.Н. МОСКАЛЬКОВА

Нет, очень интересные доклады, наоборот.

Г.М. РЕЗНИК

Бодрит, наоборот.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Тем не менее я передаю слово председателю Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Федотову Михаилу Александровичу.

М.А. ФЕДОТОВ

Спасибо, Елена Владимировна.

Я позволю себе начать с небольшой цитаты.

"Конституционное состояние страны сегодня весьма шаткое, закрывать глаза на это недопустимо. За словами "конституционность", "конституционная законность",

"конституционный контроль" стоит довольно приблизительное содержание, их все чаще толкуют в зависимости от политической конъюнктуры. Но каково их соотношение? Какова их процессуальная взаимозависимость? Каковы их правовые и справедливые рамки? Нет ответа на самый главный вопрос с точки зрения правовой справедливости или справедливости права – какова конституционность Конституции?"

С МЕСТА

Прямо поражаете своими словами.

М.А. ФЕДОТОВ

Это цитата.

РЕПЛИКА

XIX век, наверное.

М.А. ФЕДОТОВ

Нет, это не XIX век, это 25 марта 1993 года, Послание Президента Российской Федерации Верховному Совету о конституционности – документ, который вы не найдете нигде, кроме газеты "Известия", в которой он был опубликован. Практически это такая историческая уже реликвия.

ИЗ ЗАЛА

(Микрофон отключен.) У Румянцева есть...

М.А. ФЕДОТОВ

У него есть и у меня есть. Мы пока еще живы, так что мы – носители исторической памяти.

В этом документе как раз содержался главный упрек депутатам Верховного Совета и, кстати говоря, судьям Конституционного Суда, Марат Викторович, в том, что ни Верховный Совет, ни Конституционный Суд не обращали внимания на вопрос шаткости конституционного устройства того времени. И президент говорил:

выход только один — новая Конституция. Эта Конституция состоялась, она была принята всенародным голосованием, и мы 25 лет живем по этой Конституции. Сейчас возникает вопрос: а научились ли мы жить по новой Конституции, вошла ли она в наши кровь и плоть, и насколько плотно?

То, о чем сейчас сказал Денис Васильевич Новак, заместитель Министра юстиции (о мытарствах, связанных с реализацией статьи 48 Конституции), говорит о том, что далеко не все восприняли Конституцию как естественную основу своей жизни. Я думаю, что, если бы Денис Васильевич направил текст статьи 48 Конституции в некоторые ведомства на согласование, они бы тоже сказали, что они возражают. Но мы не будем менять Конституцию в зависимости от того, что по этому поводу думают те или иные чиновники. Конституция была принята референдумом. Народ идентичен самому себе, как единственный источник власти, и он свою волю выразил на референдуме — Конституция должна работать.

И я очень рад тому, что в Конституции появилась норма об уполномоченном по правам человека. Хотя должен честно признать, что при обсуждении этого вопроса в рамках не только конституционного совещания, но и комиссии при президенте по доработке проекта Конституции я лично выступал с некоторыми сомнениями по поводу эффективности этого института. И боялся того, что уполномоченный по правам человека будет просто всеобщим плакальщиком, который будет у правоохранительных органов, судебных органов просто болтаться под ногами и мешать работать. Но, слава богу, меня не послушали. Я рад, что я ошибся, честно признаю, вот, так сказать, "разоружаюсь перед партией". Институт сложился, институт сложился очень мощный. И то, что сейчас расширяются полномочия уполномоченного (извините за

тавтологию), и прежде всего полномочия региональных уполномоченных, — это, на мой взгляд, очень важный элемент, очень важный. Потому что в отличие от нашей структуры, которая призвана помогать президенту в его функции быть гарантом прав и свобод человека и гражданина, у уполномоченных по правам человека есть процессуальные возможности. И этими процессуальными возможностями они пользуются. И чем шире будут эти возможности, тем больше они будут ими пользоваться. А в результате кто выигрывает? Выигрывают граждане. То есть достигается тот самый результат, который и предполагает соответствующая конституционная норма.

В то же время наш совет постоянно обращает внимание на необходимость укрепления гарантий прав и свобод человека и гражданина. Эти гарантии могут укрепляться только через развитие текущего законодательства. И, к сожалению, мы видим, что не всегда у нас законодательство развивается системно. И нередко мы сталкиваемся просто с противоречиями (не только с пробелами, но и противоречиями) в законодательстве.

Наш совет, имея экспертные функции, дает свои заключения, но, к сожалению, не всегда к ним прислушиваются. Вот я бы привел такой пример, когда принимался несколько лет назад так называемый закон о блогерах. Мы тогда дали экспертное заключение, в котором написали, что закон бессмысленный, он не принесет никакого позитивного эффекта, он ничего не даст, кроме пустой траты времени, сил и денег. Что происходит дальше? Его тем не менее принимают. В Совете Федерации создается рабочая группа по мониторингу за применением этого закона. Где эта рабочая группа? Она провела два заседания — первое и оно же последнее. Больше она не собиралась никогда.

А что случилось с этим законом? Он был признан утратившим силу. Через несколько лет законодатель сказал: "Ой, а зачем мы его приняли? Мы так и не поняли". Может быть, Совет при Президенте Российской Федерации по правам человека оказался прав? Может быть, надо было его все-таки послушать, вчитаться в те доводы, которые были в нашем экспертном заключении? И тогда бы не было сделано этой ошибки. На мой взгляд, исправлять ошибки никогда не поздно, но лучше их не делать, особенно если есть возможность не делать этих ошибок.

И буквально сегодня я услышал о новой инициативе, касающейся повышения возраста для получения права на ношение оружия до 21 года. Первый вопрос, который возникает: почему 21, а не 22? Может быть, 19? Может быть, 20? Может быть, 30? Кто-нибудь это изучал? Криминологи этим вопросом занимались? Есть криминологические исследования или нет? Или мы решили: а вот 21?

РЕПЛИКА

(Микрофон отключен.) Есть.

М.А. ФЕДОТОВ

И что они говорят? 21?

Г.М. РЕЗНИК

Ну, очко. *(Оживление в зале.)*

М.А. ФЕДОТОВ

Понятно.

Тогда у меня вопрос: мы и возраст призыва на действительную военную службу тоже поднимем до 21 года? Или у нас армия будет безоружная? Как мы себе это представляем?

С МЕСТА

(Микрофон отключен.) Разные сферы.

М.А. ФЕДОТОВ

Разные сферы, но право на ношение оружия человек приобретает в определенном возрасте. Если он идет в армию, но не приобретает этого права – это довольно странно. Если он идет в армию и приобретает это право, а если не идет в армию, то не приобретает этого права – это тем более странно. Во-первых, это нарушение принципа равноправия, а во-вторых, мы же говорим о возрасте. Возраст-то не меняется от того, носит человек погоны или нет. Вопрос о другом – вопрос о системности, продуманности.

В свое время замечательный французский ученый, основатель юридической социологии, профессор Карбонье говорил о том, что надо, чтобы сначала закон разрабатывался наукой, а потом уже депутаты его обсуждали. Вот эта научная проработка законопроектов, на мой взгляд, у нас страдает.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.)

М.А. ФЕДОТОВ

Елена Борисовна, а Вам что мешает, дорогая моя? Что Вам мешает вносить продуманные законопроекты? Вы – доктор юридических наук, известный ученый.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.) А вот такие же отрицательные заключения, как... *(не слышно)*. Если уж у него отрицательные, у нас тем более.

М.А. ФЕДОТОВ

Поэтому, коллеги, мой призыв: больше системности и больше научного подхода к созданию нормативной базы. И тогда конституционные нормы будут хорошо работать. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Систематизация нужна законодательства, обязательно, кодификация.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Уважаемые коллеги, мне кажется, мы действительно друг друга понимаем. И вот наш комитет – один из тех комитетов, который не просто старается, а реально работает с представителями различных ведомств, с представителями науки, как Вы говорите. Но, как говорит наш председатель (я эту фразу навсегда запомню), если человек получил уже научное звание, то любая его идея – это уже точка зрения человека от науки, даже самая немыслимая идея. Поэтому, конечно, нужно правда и справедливостью, и совестью руководствоваться.

Уважаемые коллеги, я передаю слово судье Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Михаилу Ивановичу Клеандрову.

М.И. КЛЕАНДРОВ

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги! Очень показательно, что сегодня начали и продолжаем много раз употреблять понятие "справедливость". Это показательно по той причине, что летом этого года целый ряд социологических научных организаций провел исследования (а среди них одним из главных был центр социологических исследований Российской академии наук – теперь есть и такой, он создан на базе нескольких социологических институтов) и установили резкий всплеск запроса (такое выражение) на справедливость в обществе, который превысил даже уровень запроса на сильную власть впервые вообще в истории.

Но ведь справедливость обеспечивают в нашем государстве, в нашем обществе, сохраняют справедливость и восстанавливают ее, если она нарушена (или порушена), все государственные органы власти и управления, и муниципальные органы, и прочие, в меру своих сил, в меру своих возможностей. Но среди них главную роль играет суд. Это финальный орган среди этих государственных органов, это, наверное, последняя надежда для многих. Так вот, если общество считает, что нужно больше справедливости, наверное, можно сказать, что суд в чем-то здесь недорабатывает. Некоторые положения Конституции, которая закрепила механизм правосудия, у нас не достигают того уровня, который закреплён в Конституции.

Вот я сейчас себя представляю как работника академического института, а академический институт занимается (должен заниматься) фундаментальными исследованиями. Поэтому я позволю себе высказать предположение, что у нас есть целый ряд конституционных положений, до уровня которых не достроено здание судебной власти, судебное строительство не достроено. Это прямо начиная со статьи 10, дальше – часть 2 статьи 19, далее – часть 5 статьи 32, часть 1 статьи 46, часть 1 статьи 47, пункт "л" части 1 статьи 72, далее – часть 2 статьи 118, это части 2 и 3 статьи 128. Вот так, навскидку. Я бы по каждой мог много рассказать, поскольку серьезно стараюсь этим заниматься.

Но причина в чем? Ведь Конституция в принципе "на вырост" у нас была построена, с запасом. Но за 25 лет многие вот эти недострои можно было бы уже поднять до соответствующего уровня. А по некоторым показателям у нас идет отступление, если по самому большому счету взять. Вот, например, часть 5 статьи 32 говорит о праве участия граждан в осуществлении правосудия. Это речь идет о судебных заседателях.

У нас ведь в 2002 году вообще один из институтов народных заседателей просто "прижали к ногтю". А институт присяжных развивается, теперь они будут в районных судах, что мне как-то странно, честно. Сложно будет скамью присяжных там укомплектовать. А арбитражные заседатели ведь у нас тоже фактически "загнулись", и так по многим позициям.

Почему это происходит? Мне, как академическому ученому, представляется, что все это происходит по той причине, что нет стратегии развития механизма судебной власти. У нас нет органа, который реализовывал бы стратегию, то есть разрабатывал стратегию и ее реализовывал.

Верховный Суд, к сожалению, на это не тянет, у него в статье 126 Конституции четко закреплены функции, он не может быть начальником над всей судебной системой, он высший орган судебной власти, и там четко сказано, чем он занимается. А фактически нет такого органа. В половине государств мира он существует, даже в половине государств – участников СНГ (в шести из 10 государств) он есть. У нас он два раза должен был появиться – в 1993 году и в 2001 году. В 1993 году, когда Конституция разрабатывалась, когда на апрельском конституционном совещании Ельцин очень хорошо об этом органе сказал – он сказал, что надо порядок его формирования немного изменить. Но наступили "черные дни" октября 1993 года, и всякое упоминание о нем у нас исчезло. Если бы такой орган был...

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.) Послание Конституционного Суда... Не работает эта норма.

М.И. КЛЕАНДРОВ

Какая норма? Ее вообще нет. Как она может работать, если нет нормы?

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.)

М.И. КЛЕАНДРОВ

Извините, Конституционный Суд может выступать с законодательной инициативой, как и Верховный Суд, только по вопросам собственного ведения, так в статье 104 написано.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.) Но так в послании написано.

М.И. КЛЕАНДРОВ

Да при чем тут послание?

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.) Так это и есть политическое...

М.И. КЛЕАНДРОВ

По собственному ведению, по ведению Конституционного Суда, а речь идет о бо

преамбуле этого постановления была такая фраза (я попробую ее дословно воспроизвести по памяти): все настоятельнее ощущается необходимость радикальных преобразований всего организационно-правового механизма судебной власти в направлении, отвечающем чаяниям российского общества на справедливое правосудие. И дальше сказано: к этой работе надо привлечь... и указано, кого нужно привлечь. И ничего до сих пор сделано не было, а на IX съезде об этом и не вспомнили.

Это я к тому говорю, что без такого органа никакое движение в этом направлении, наверное, невозможно себе представить. Ну, это не панацея. Как он будет работать — это дело второе. Он прекрасно работает и развивается в Казахстане, например, да и даже на Украине.

Так вот, чтобы он мог заниматься делом, надо, чтобы он разработал и вынес на утверждение государственный план стратегических преобразований всего механизма судебной власти. И единственным эталонным образцом для этого может служить судебная реформа в Российской империи 1864 года. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Уважаемые коллеги, я передаю слово первому вице-президенту Адвокатской палаты города Москвы Резнику Генри Марковичу.

Г.М. РЕЗНИК

Дорогие коллеги! Поскольку у нас все-таки юбилейное заседание — 25 лет, давайте вспомним добрым словом наших товарищей (иных уж нет...), которые за короткий срок сумели создать совершенно великолепный документ. Ну и прежде всего, конечно, масштабную, богатырскую фигуру первого Президента России, благодаря воле, харизме и интуиции которого страна не низвергалась в югославский вариант. Я об этом говорю не случайно,

поскольку сейчас увеличивается число всяких бесчестных политиканов, которые почему-то считают своим обязательным долгом "пнуть" 90-е годы – такие противоречивые, но закономерные и неизбежные.

И хочу немножко развить ту тему, которой касались и Денис Васильевич, и Михаил Александрович. Мы сталкиваемся с тем, что, бывает, принимаются нормы, целые законы, которые, в общем-то, вступают в противоречие с Конституцией. Ну а бывает так, что, например, целое направление развивается не в русле конституционных ценностей.

Я только один пример приведу. Опять же любимая статья 48, которая здесь уже затрагивалась. В статье 48 адвокатура возведена в ранг конституционного института, потому что не государство, а творец Конституции – многонациональный российский народ адресует вот эту задачу в части квалифицированной юридической помощи, защиты прав и интересов граждан, с одной стороны, государству, а с другой стороны – адвокатуры. А государство и адвокатура по Конституции – равноправные субъекты, и адвокатура – независимый институт, который отделен от государства.

Елена Борисовна, глядя сейчас на Вас, скажу, что в нынешнее время она, по-моему, отделена от государства даже больше, чем церковь.

Что же произошло дальше? Мы приняли закон об адвокатской деятельности и адвокатуры в русле как раз статьи 48 Конституции. Адвокатура объявлена у нас, закреплена как институт гражданского общества. Но это было predetermined Конституционным Судом. В 1997 году, когда государство впало в фискальную паранойю и увеличило почти в шесть раз страховые взносы на самозанятых граждан, все самозанятые граждане пошли в Конституционный Суд.

Ну, их было 5 процентов – стало чуть ли не 30 процентов. Кто пошел в самозанятые? Пошли индивидуальные предприниматели, главы фермерских хозяйств, нотариусы и адвокаты. И Конституционный Суд два постановления принял, 1998 и 1999 годов, где признал неконституционным вот такое повышение страховых взносов, потому что это абсолютно нарушало принцип равноправия граждан, государство, вообще, залезало в карман самозанятых граждан. Но Конституционный Суд высказался очень интересно – он сказал, что в отличие от индивидуальных предпринимателей, глав фермерских хозяйств и даже в отличие от нотариусов, которые, безусловно, выполняют все-таки государственные функции, адвокатура выполняет конституционную функцию защиты прав граждан, и, если в налоговом законодательстве не учитывается конституционная природа института адвокатуры (я цитирую сейчас постановление Конституционного Суда от 23 декабря 1999 года), это налоговое законодательство не может считаться справедливым.

Дальше все очень хорошо развивалось – был введен единый социальный налог (вы помните период, когда все страховые выплаты в государственные фонды были сведены в один налог), где была дифференциация.

Там была регрессивная шкала, и адвокаты в полном соответствии с Конституцией (а Конституция говорила как раз устами Конституционного Суда) были поставлены в более льготное положение именно по той причине, что деятельность адвоката – не предпринимательская, как написано в нашем законе, а речь идет о выполнении конституционной функции – защиты прав граждан, в том числе и обязанности, кстати сказать, бесплатно вести защиту граждан. Все очень хорошо.

Что произошло через несколько лет? Государство решило (правильно решило), что надо помогать малому бизнесу, и ввело упрощенную систему налогообложения — единый налог на вмененный доход. Что у нас получилось? У нас получилось, что предприниматели оказались в более выгодном положении. Вначале индивидуальные предприниматели, поскольку у них, простите, ставка — 6 процентов, а у нас — 13 процентов. А дальше решили, что надо поддерживать еще и средний бизнес, потому что он не слишком развит, — тех юридических лиц, которые ведут предпринимательскую деятельность, но их оборот не превышает 150 миллионов. Вообще должен сказать, что 50 миллионов для любого адвокатского образования в стране — это какой-то предел мечтаний.

И вот сейчас (вот мы рядом с Денисом Васильевичем Новаком...) разрабатывается программа "Юстиция", в которой заложены абсолютно здравые идеи. Причем говорили-то об этом давно, но надо что-то решать. Говорили о том, что у нас социальное государство, но у нас государство еще и правовое. Вообще, ни в одном государстве нет такого положения, когда квалифицированную юридическую помощь, предусмотренную статьей 48 Конституции, может оказывать любой, вот просто-напросто любой. Никаких требований к лицам, которые оказывают квалифицированную юридическую помощь, нет. Более того — в суды ходят. Я уж не говорю, извините, о даче советов, составлении документов и консалтинге. Почему? Так сложилось. Здесь определенные интересы.

И вот сейчас, должен сказать, в этой программе (она разрабатывалась несколько лет) — абсолютно здравые идеи, которые вроде все поддерживают, что все юристы, которые оказывают помощь неопределенному кругу лиц, должны быть объединены на

базе института адвокатуры. Не надо изобретать велосипед, потому что квалифицированная или профессиональная юридическая помощь может считаться таковой, когда основывается на трех китах: первое — допуск к профессии, второе — наработанные профессиональные стандарты и этические нормы, третье — контроль самоуправляемой ассоциацией. Это есть только в адвокатуре. Я оставляю сейчас в стороне виды, только ли профессиональное и судебное представительство или вообще в целом оказание юридической помощи.

С чем мы столкнулись? За пределами адвокатуры — пестрая картина. Там есть абсолютно никудышные люди, мошенники, нет никакого контроля над ними абсолютно, дисциплинарной практики. Но есть, конечно, вполне состоявшиеся, квалифицированные, добросовестные юристы, которые прекрасно работают в коммерческих юридических фирмах. И вот Денис Васильевич собирает их и говорит: "Ну, как же так? Адвокатура, статус действительно высокий, престиж. Посмотрите, ну что же?.. Надо же объединяться". Они говорят: "Да мы не против, но нам это экономически не выгодно, потому что нам не выгодно работать в тех формах некоммерческих организаций, которые у нас предусмотрены законом об адвокатской деятельности и адвокатуре. А почему? Потому что непредпринимательская деятельность, деятельность некоммерческая. То есть нам не выгодно работать ни в форме адвокатского бюро, ни в коллегии, где, кстати, между адвокатом и клиентом нет юридических лиц". Казалось бы, облегчение в части налогообложения. Они говорят: "Нет, представьте себе, нам выгоднее работать в коммерческой организации".

Я не знаю, коллеги, но мне представляется ненормальным такое налогообложение, когда адвокаты, конституционная природа

деятельности которых... которые не ведут предпринимательской деятельности и оказывают огромный объем помощи по назначению, бесплатной помощи, оказываются в менее благоприятном положении с точки зрения налогообложения.

Это я просто говорю относительно примера того, как нужно сверять с Конституцией те законы, которые принимаются и которые затем улучшаются, а то получается... Бессмертен все-таки Виктор Степанович Черномырдин. Спасибо за внимание.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо.

Уважаемые коллеги, я передаю слово заведующему кафедрой конституционного права Московского государственного университета имени Ломоносова Сурену Адиебековичу Авакьяну. Пожалуйста.

С.А. АВАКЬЯН

Спасибо.

Добрый день! Говоря словами уважаемого Генри Марковича (кто только не "пинал" Конституцию), я как раз из тех, кто "пинал" и "пинает" Конституцию. Правда, меня утешает только одно – я не политикан, как Вы сказали, а научный работник, и я не "пинаю", а даю критические оценки Конституции. Если она этого заслуживает, то это надо делать.

Известный политический деятель XX века, который достаточно много сделал для развития конституционного права, а также для формирования государственности в России, – Владимир Ильич Ленин в свое время использовал два понятия – "юридическая конституция" и "фактическая конституция". Те из вас, кто постарше и кто учился на юридическом факультете, это прекрасно знают. Так вот, я хочу сказать, что, по всей вероятности, наша страна не может

жить без этих двух понятий. У нас было, у нас есть, и я не знаю, как долго еще будет то же самое положение — у нас есть юридическая Конституция и есть фактическая Конституция. У нас, следовательно, есть юридический конституционализм и есть фактический конституционализм. Я не знаю, куда мы в этом плане пойдём, если учесть, что у нас есть белая зарплата и черная зарплата на производстве, и во многих других сферах примерно такое же положение.

Посмотрите, есть право на манифестацию, установленное Конституцией, и есть его интерпретация в законе о манифестациях, который говорит о том, что шаг влево, шаг вправо, топтание травы и создание препятствий проходу граждан к своим подъездам — это уже нарушения, за которые человек подлежит ответственности. И, посмотрите, такая серьезная и взвешенная инстанция, как Верховный Суд Российской Федерации (почему я и хотел задать вопрос Виктору Викторовичу), вынуждена была в своем постановлении ориентировать судей: все-таки смотрите, это реально или это (позвольте мне употребить такое слово) происки местной бюрократии, которой не хочется организовывать эти мероприятия, хочется, чтобы их не было, а в конце концов, если они состоялись, — давайте-ка еще и накажем тех, кто в этих мероприятиях поучаствовал. Это вам и официальная Конституция, и юридическая Конституция. Верховный Суд попросил судей обращать на это внимание.

Сейчас готовится (я не знаю, приняли вы или нет, Виктор Викторович) постановление об особенностях рассмотрения судами дел о политических правах. Нам прислали проект этого документа. Фактически речь идет о том же самом — что в части реализации политических прав мы тоже должны об этом думать, потому что те

самые публичные призывы, о которых говорят Уголовный кодекс и другое законодательство, настраивают людей немножко на то, что есть слова и есть фактические действия. Об этом следовало бы думать.

Отсюда возникает вопрос (уважаемая Татьяна Николаевна, Вы в силу лимита времени этого не коснулись): а где людям реализовать свои политические права? Сферой, в рамках которой они могут это сделать, является, например, избирательная кампания. Однако посмотрите, как сформировано и сформулировано наше избирательное законодательство. Оно позволяет участвовать в этих кампаниях политическим партиям, но не позволяет участвовать в них ни общественным движениям, ни иным общественным объединениям. Понимаете? Выступить индивидуально человек может, но в организованном коллективе он этого сделать не может.

У нас все права даны политическим партиям. А политические партии, по тому же самому критикану, который сидит слева от Генри Марковича, то есть по моему определению, — это группы политических авантюристов (я, правда, добавляю: в хорошем смысле этого слова), которые думают только о том, как пробиться к власти. Понимаете? Они не думают о том, что все это должно быть отдано в руки граждан, чтобы они участвовали в избирательном процессе. Они не имеют такого реального права — поучаствовать. Вот вам опять фактическая и юридическая Конституция.

И последний в этом плане тезис, о котором, с моей точки зрения, особенно надо думать уполномоченному по правам человека и уж, конечно, парламенту нашей страны. У нас появилась новая сфера. Вы этого, может быть, не наблюдаете. Мы, преподаватели, это наблюдаем, и граждане — пешеходы, пользователи транспорта тоже это наблюдают. Войдите в любой вагон метро — слева и справа

от вас сидят люди с телефонами. Что они делают? Они заходят в Интернет. Речь идет о том, что появилось виртуальное информационное пространство и наша молодежь и люди среднего возраста, то есть кроме тех, кто равен мне по возрасту, пожилых людей, получают информацию не только от общества, они получают информацию там. У нас уже есть объединения граждан, которые сидят в информационном пространстве, и об этом пока никто по-настоящему не думает. Мне кажется, что, если мы выразим по этому поводу нашу обеспокоенность, будет совсем неплохо. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо огромное.

Уважаемые коллеги, я передаю слово члену Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, заведующей кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета Тумановой Лидии Владимировне.

Л.В. ТУМАНОВА

Спасибо за возможность выступить на этом мероприятии.

Я, как человек, который представлял Тверскую область на конституционном совещании, смотрю на сегодняшнее мероприятие и понимаю, что масштаб того события, которое состоялось в 1993 году, мы действительно начинаем осознавать только сейчас. Ведь в 1993 году, несмотря на принятие Конституции таким особым способом, как на референдуме (это было впервые), все-таки в обществе и в научных кругах было очень много критических замечаний. И, как ни странно, та критика, которая имела место в 1993 году, как раз не оправдалась. И сегодня, когда мы говорим о каких-то критических замечаниях, это нечто другое, в том числе, как уже мои коллеги сегодня отмечали, это, возможно, неправильное

(позволю себе произнести такое слово) толкование в последующем тех или иных конституционных норм или вообще неправильное их восприятие, когда они остаются без внимания. Но об этом, я думаю, сегодня мои коллеги сказали очень хорошо.

Мне, как действительно представителю процессуальной науки, прежде всего хочется обратить внимание на что? Более молодое поколение даже не понимает смысл и значение статьи 46 Конституции. Ведь до этого времени... Вот я говорила студентам такую фразу: "Дожить бы до того времени, когда суд не будет размышлять, может или нет он принять к рассмотрению то или иное дело". И Конституция 1993 года это право нам предоставила. Как у всякого явления, здесь есть оборотная сторона, которую принято называть злоупотреблением права на обращение в суд. Мы знаем, что появляется много обращений, которые совершенно ничем не мотивированы, но тем не менее у нас сегодня человек вообще не должен думать: если он предполагает, что его права и свободы нарушены, он должен идти в суд. Это бесспорное достижение, о котором, как мне кажется, нужно говорить постоянно, потому что этого не было. Это первое.

Второй момент. Сегодня прозвучало, что не совсем реализована часть 2 статьи 118 Конституции. Но Виктор Викторович сказал, что все-таки по инициативе Верховного Суда многолетние дискуссии о том, быть или не быть административному судопроизводству, закончились. У нас есть Кодекс административного судопроизводства.

Я не буду петь ему какую-то осанну, но сам факт – это событие важнейшее, потому что ведь впервые очень четко были урегулированы категории дел, которые ранее либо вообще не имели

процессуальной регламентации, либо она не соответствовала тому, какой должна быть.

Но я должна сказать, что этот процесс продолжается. И очень отраднo, что, допустим, по инициативе Верховного Суда, я надеюсь, будет принят закон о включении таких категорий дел, которые связаны с помещением несовершеннолетних в центр временного содержания и в специализированные учебные заведения. Я как минимум десяток лет об этом на всех уровнях говорила и писала, потому что это недопустимая ситуация — когда несовершеннолетним не был обеспечен нормальный процессуальный режим, по сути это было лишение свободы в отношении этих лиц. Слава богу, Верховный Суд такую позицию учел. И вообще в последнее время и законодательские инициативы, и те постановления Пленума Верховного Суда, которые принимаются, — действительно в русле развития конституционных норм, что очень важно.

При этом (я хочу обратить внимание) ведь и сама судебная система с принятием Конституции стала формироваться по-новому, и в том числе у нас появился полный судебный контроль за формированием судебной системы. Этого тоже никогда не было, и мы должны об этом помнить. Но, как говорится, нет предела совершенству, и еще остается очень много тех норм, которые сегодня по каким-то мне не понятным причинам никак не могут (извините за такую терминологию) перебраться из гражданского процесса в административное судопроизводство.

Однозначно, у нас функции нотариусов все больше и больше расширяются, и это, безусловно, то, что напрямую затрагивает права и свободы граждан, и то, что, безусловно, связано с выполнением определенных властных функций. Почему они рассматриваются в порядке особого производства? Вывод, видимо, только один —

потому что то распределение обязанностей по доказыванию, которое существует в административном судопроизводстве, нотариусов не устраивает.

Третье. Здесь присутствуют представители Министерства юстиции, они, наверное, лучше меня знают, как изменилась сущность тех действий, которые осуществляют органы ЗАГС, и какие появились совершенно новые категории дел. И с чем мы сегодня сталкиваемся? Что, оказывается, в одном случае мы обжалуем действия органов ЗАГС по правилам КАС, а в других случаях, когда суть та же самая (если он отказывает во внесении каких-то изменений), мы почему-то обжалуем в порядке особого производства в гражданском процессе.

Я полагаю, что для обеспечения права на действительно подлинную судебную защиту мы должны внести эти изменения.

Сегодня уже звучало: очень жаль, что мы не можем более подробно обсудить защиту прав несовершеннолетних. Я говорить на эту тему могу очень много, но буду говорить тезисно. И спасибо Совету Федерации, на его площадке действительно рассматривалось очень много вопросов, связанных с защитой прав детей и интересов семьи. Но для меня есть одно большое "но" – практически все это было в плоскости материального права. Я боюсь, мне не хватит пальцев уже сосчитать (Виктора Викторовича надо спросить), сколько Верховный Суд принял за последнее время постановлений Пленума Верховного Суда, посвященных делам, связанным с защитой прав детей и семейных отношений. Более того, даже те новые обстоятельства (допустим, банкротство физических лиц и прочие), мы видим, очень серьезно затрагивают сферу семейных отношений. Но я полагаю, что нам не хватает процессуального регулирования защиты прав в сфере семейных отношений. Ну, не

выступает ребенок истцом по делам о лишении родительских прав! Что хотите со мной делайте! Это не дело искового производства, ну, никак оно не вписывается. И даже взыскание алиментов – это тоже не та классическая форма. И участие лиц... Я устала уже на всех уровнях говорить: во всех процессуальных кодексах продекларирован какой-то мифический педагогический работник, который при допросе присутствует. Я не знаю, кто это такой. Вообще, кто это – педагог, должностное лицо? А ведь это проблема номер один.

И поэтому я прежде всего обращаюсь к Елене Борисовне с таким пожеланием: давайте мы посмотрим на возможность появления в Гражданском процессуальном кодексе главы, посвященной процессуальным особенностям рассмотрения дел, возникающих из семейных отношений.

Ну и не могу не сказать о той дискуссии, которая возникла вокруг слова "справедливость". Ведь Конституция не только обеспечила нам вот эти основополагающие нормы, она нам открыла дорогу в Совет Европы. И то, что мы сегодня находимся под юрисдикцией Европейского суда (мы оставим в стороне спорные моменты)... Для меня важнейшим является то, что на нас распространяется Конвенция, в том числе, как я всегда говорю, моя любимая статья 6, которая так и называется – "Право на справедливое судебное разбирательство". И поэтому я полагаю, что поскольку это однозначно встроено в судебную систему, то мы смело можем говорить (независимо от того, что в одном кодексе обозначена справедливость как принцип, а в другом – нет): этот принцип существует, потому что он предусмотрен Конвенцией. Но нет предела совершенству, и нам еще предстоит очень много работать. Но в качестве основного я хотела сказать вот это. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо огромное. Спасибо Вам за то, что Вы обратили внимание на то, что особенно молодых людей нужно учить защищать свои нарушенные права и не бояться идти в суд.

Почему я тоже на эту фразу обратила внимание? Потому что Сурен Адиебекович до этого сказал: они живут совершенно в другом информационном пространстве – пространстве Интернета. И если мы посмотрим после наших парламентских слушаний – они прочитают все что угодно, но не прочитают то, например, о чем говорил Виктор Викторович. И у многих молодых людей складывается впечатление, что государство – их враг, что они здесь не добьются справедливости, не добьются ничего, что надо уезжать из страны.

И как это информационное пространство повернуть к нам, к людям, лицом, чтобы мы видели, как работает суд вообще, какие дела рассматриваются, что действительно в большинстве случаев защищаются интересы человека, даже против чиновников, так скажем? Конечно, наша задача, наверное, особенно тех, кто работает со студентами – будущими юристами, да и не только юристами, – говорить о том, что у них эти возможности есть, они открыты и Конституция может защищать, и она нацелена на то, чтобы защищать их права. Спасибо большое.

Я передаю слово Гасану Борисовичу Мирзоеву, президенту Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, президенту Гильдии российских адвокатов, ректору Российской академии адвокатуры и нотариата.

Г.Б. МИРЗОЕВ

Спасибо, Елена Владимировна.

Добрый день, уважаемые коллеги, дорогие друзья! На самом деле очень здорово, что, я бы сказал, не так часто, но очень

предметно Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству ставит своей задачей обсуждение очень важных вопросов.

И, конечно, 25-летие нашей, российской Конституции – это очень знаменательный день. И я помню даже, когда и Михаил Александрович корпел над Конституцией, даже помню, как эти напряженные дни проходили у него на даче. Мы думали тогда, что вот наступило это время перестройки, гласности, мы ушли от того времени, когда были в ожидании и всё ждали, что будет все лучше, что у нас было нормальное... По крайней мере я, как адвокат, тогда полагал, что у нас правосудие социалистическое, гуманное и так далее. Ждали, что наш первый президент, о котором Генри Маркович сказал, что-то такое сдвинет. Но мне кажется, что, конечно, все было не напрасно, конечно, многое изменилось. Но мне представляется, что сфера правосудия еще должна серьезно измениться, с тем чтобы судьи и суд чувствовали себя действительно независимыми и могли создавать не иллюзию, а реальное понимание у наших граждан, что суд у нас все-таки, как в советское время говорили, гуманный и справедливый.

Здесь присутствуют очень мудрые и уважаемые наши коллеги, и даже Виктор Викторович Момотов, которого я очень уважаю как председателя Совета судей Российской Федерации. Я помню, на VIII съезде судей я выступал и говорил...

И Вячеслав Михайлович тогда с целым рядом инициатив пришел в Госдуму. Тогда Елена Борисовна Мизулина с Уголовно-процессуальным кодексом "носила", а я – с проектом закона об адвокатуре.

Но что сегодня?.. Коротко. Сегодня на самом деле мы, конечно, обрели статус адвоката. Сегодня говорили о статье 48

Конституции Российской Федерации. Да, действительно, мы не занимаемся предпринимательской деятельностью, она не является целью. Но адвокат, участвуя в осуществлении правосудия (а это важнейшая государственная функция), не может быть таким свободным в полете юристом, как те, кто на асфальте сегодня пишет "решу любой вопрос" и "подходите ко мне", из одного окошка белье продают, а из другого — консультируют.

Я, Денис Васильевич, поддерживаю инициативу нашего Министерства юстиции, что наконец вышли хоть на какую-то реальную концепцию, которую мы обсуждали, кстати говоря. Вас приглашали, Вы не пришли. А Татьяна Николаевна пришла в наш исполком, выступила и услышала выступление каждого адвоката, из разных регионов страны.

Я думаю, Татьяна Николаевна, это помогло Вам посмотреть на адвокатуру со всех сторон.

Поэтому представляется, что эта концепция развития юридической помощи должна дойти до такой, я бы сказал, кондиции, когда законодатель принял бы ее не с точки зрения чиновничьего подхода к судьбе адвокатов и адвокатуры в России, а с точки зрения именно того, что мы понимаем под словом "право", — правового государства, правды, справедливости.

Адвокат сегодня не может быть таковым реально, потому что даже самый талантливый адвокат не может... Мы доводим до суда нашу позицию, но суд нас все-таки по-прежнему не слышит. Правосудие наше по-прежнему обвинительное. И вот эта состязательность, о которой мы говорим столько лет, по-прежнему еще не дает того эффекта, который мы все ждем и на который надеемся. Хотя я, выступая в суде, защищая судей самих из разных

регионов, всегда надеюсь, что вот-вот суд примет правильное решение. Очень редко, но это происходит.

Поэтому мне кажется, что адвокат не только должен повысить свой статус, который сегодня у нас, слава богу, есть (есть закон об адвокатуре, есть кодекс профессиональной этики), но нужны гарантии.

Михаил Александрович, Вам спасибо. На заседаниях вашего совета вы неоднократно обсуждали, выносили рекомендации, и президент часть этих рекомендаций услышал, в результате часть их принята и оформлена в форме законодательных актов.

Хочется пожелать, Елена Владимировна, всем коллегам удачи, благополучия, чтобы через 25 лет хотя бы наши дети и внуки из этой Конституции выбрали что-то лучшее, над чем мы здесь корпели. Спасибо за внимание.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, напоминаю о регламенте, потому что у нас зал будет занят через некоторое время (мы просто к 13 часам уже приближаемся).

Передаю слово начальнику Всероссийского научно-исследовательского института МВД России Кожокарю Валерию Васильевичу.

В.В. КОЖОКАРЬ

Спасибо.

Уважаемая Елена Владимировна, уважаемая Татьяна Николаевна, уважаемые коллеги! В своем выступлении я считаю необходимым обратить внимание на ту часть уголовного судопроизводства, которая связана с первичным обращением в правоохранительные органы лица, пострадавшего от преступления. В

последние годы количество постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел неизменно превышает число возбужденных уголовных дел — более чем в 3,5 раза.

Если позволите, я несколько цифр приведу. В 2017 году органами внутренних дел зарегистрировано более 30 миллионов сообщений о преступлениях. Из этого массива более 10 миллионов сообщений было рассмотрено в порядке уголовно-процессуального законодательства, и было возбуждено чуть более 1 700 тысяч дел (это 16 процентов). При этом было вынесено 6 257 тысяч постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, что приводит к значительному отвлечению сил и средств в органах внутренних дел. Это, безусловно, является отрицательным фактором.

Однако причины вынесения значительного количества постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел заключаются в том, что проверяются все поступившие заявления и сообщения, в том числе и не содержащие информации о преступлениях. То есть Уголовно-процессуальный кодекс используется в качестве инструмента администрирования, в то время как он должен действовать только тогда, когда речь идет о преступлениях.

Статья 52 Конституции Российской Федерации гарантирует, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Между тем многие процессуалисты отмечают, что статус участника процесса в ходе предварительной проверки является неопределенным. При этом проверка сообщений о преступлениях превратилась, по существу, в квазирасследование. Фактически она подменяет собой предварительное расследование. Во многих случаях проверочные действия направлены на установление всех признаков состава

преступления, а также изобличение лица, совершившего преступление, что, на наш взгляд, совершенно неправильно, так как это является (о чем я сказал выше) задачей предварительного расследования и должно выполняться после возбуждения уголовного дела.

Кроме того, в ряде случаев имеют место нарушения уголовно-процессуального законодательства, которые также неоднократно отмечались и в докладах представителей МВД (и Татьяна Николаевна уже отметила это). Так называемые доследственные проверки проводятся органом дознания, следователями, дознавателями необоснованно долго. Они неоднократно отменяются, проверочные мероприятия носят формальный характер, процессуальные решения принимаются зачастую необоснованно. Только в 2017 году более 2,5 миллиона постановлений об отказе в возбуждении дел было отменено прокурорами, что приводит просто к отвлечению сил и средств органов внутренних дел. Не принимаются надлежащие меры по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлением, потому что зачастую вещественные доказательства теряются. Лиц, пострадавших от преступлений, не признают потерпевшими.

Этот вопрос и эти проблемы не раз рассматривались Конституционным Судом Российской Федерации. В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131 признается, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения. Он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя и суда о признании потерпевшим, но не формируется им. Однако зачастую позиция органов предварительного расследования, дознания противоречит вышеуказанной точке зрения

Конституционного Суда, поскольку ставит факт признания лица потерпевшим в зависимость от причинения преступлением морального, физического и имущественного вреда и момента вынесения следователем, дознавателем либо судом постановления о признании его потерпевшим. Все это представляет собой значительные проблемы, связанные с реализацией положения статьи 52 Конституции на досудебных стадиях до возбуждения уголовного дела.

Вышесказанное позволяет нам предложить ряд мер, направленных на устранение проблем, связанных с соблюдением государством прав потерпевших, обеспечением доступа к правосудию и компенсацией причиненного ущерба.

Что я хотел бы здесь отметить? Самое главное – необходимо незамедлительно принимать решение о возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления. Это позволит избежать неоправданного нарушения принципа разумности срока уголовного судопроизводства.

Сегодня во многих случаях органы расследования, несмотря на очевидные признаки преступления, проводят проверочные мероприятия и лишь по истечении срока проверки принимают решение о возбуждении уголовного дела.

Также считаем, что необходимо ограничить проверочные действия с целью установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела. Установление всех признаков состава преступления, а также изобличение лица, совершившего преступление, – задачи предварительного расследования. Они должны выполняться после возбуждения уголовного дела, а не в процессе производства первичных проверочных действий.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Хорошо. Скажите, пожалуйста, у Вас в письменном виде эти предложения есть, да? Вы можете передать их нам? Мы их в резолютивную часть включим.

В.В. КОЖОКАРЬ

У нас есть, конечно, мы вам передадим. Татьяне Николаевне мы уже передавали.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Да, хорошо.

В.В. КОЖОКАРЬ

Если честно, у нас есть несколько законопроектов. Мы в МВД с 2012 года работаем над стадией возбуждения уголовного дела, так скажем, вообще над устранением (или ликвидацией) института отказных материалов так называемых. То есть у нас есть несколько законопроектов. К сожалению, мы не смогли дойти до...

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Хорошо. Давайте тогда мы так сделаем: Вы нам передайте эти предложения в письменном виде, и в том числе давайте посмотрим, поднимем законопроекты. Договорились?

В.В. КОЖОКАРЬ

Хорошо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо огромное. Мы в рекомендации постараемся внести ваши предложения.

Уважаемые коллеги, я передаю слово Гриценко Елене Владимировне, профессору кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета. Напоминаю про регламент, потому что мне уже показывают, что в зал скоро должны прийти новые выступающие.

Е.В. ГРИЦЕНКО

Уважаемые коллеги! Большое спасибо хотелось бы сказать комитету по законодательству и уполномоченному по правам человека за организацию этого значимого юбилейного мероприятия. Потому что действительно повод, как мне кажется, очень важный, и есть возможность вспомнить, что же было 25 лет назад. И вот я сейчас вспоминаю именно тот период, когда я еще трудилась в Иркутской области в институте регионального законодательства. У нас была довольно интересная инициатива – встреч с трудовыми коллективами в разных уголках Иркутской области для разъяснения Конституции и того, что же нового в нее привнесено по сравнению с тем, что было раньше, и почему именно Конституция – такой значимый документ.

Конечно, особенным всегда был вопрос: а что же, собственно, представляют собой эти права и свободы человека и гражданина, которые так по-новому представлены в новом проекте Конституции, и что же они дадут каждому гражданину, что нового по сравнению с тем, что было до этого? Действительно, концепция абсолютно новая, и мы, разъясняя ее тогда, мне кажется, тоже имели достаточно слабое представление о том, что же стоит за правами и свободами человека и гражданина как объектом конституционной защиты. И думаю, что за эти 25 лет, конечно, опыта набралось немало. Но действительно нельзя сказать, что вопрос исчерпан. Действительно нельзя сказать, что наше познание Конституции завершено. И именно познание прав и свобод, наверное, будет еще долго продолжаться.

Мне хотелось бы прежде всего обратить внимание на то, что та конституционная концепция, которая представлена, все-таки основана на представлении о правах и свободах человека и гражданина именно как об основных правах. И это касается не

только прав человека, но и, в общем-то, прав и свобод гражданина. Именно так расширил понимание прав и свобод человека и гражданина Конституционный Суд, интерпретируя, по сути говоря, как основные права не только права человека, но и права гражданина. Они имеют достаточно много функций, и это очень сложное явление. Поэтому, конечно, это большое завоевание Конституции.

Если говорить об основных правах именно с субъективной стороны, то это субъективные публичные права, которые дают возможность гражданину, человеку требовать от государства определенных действий или бездействия. А если говорить о том, какие именно субъективные правовые функции выполняют эти основные права, то здесь, наверное, уместно вспомнить и о том, что это, с одной стороны, права, которые требуют от государства как раз бездействия, то есть невмешательства в частную сферу. С другой стороны, это те свободы, которые могут быть реализованы только через государство и как раз требуют от государства соответствующих действий и предоставления определенных благ. И, наконец, в-третьих, это те права, которые нацелены на то, чтобы лицо реализовывало их именно в государстве как гражданин, активный гражданин (это *status activus*).

Но этим не исчерпывается, конечно, природа основных прав. С моей точки зрения, они имеют еще и объективно-правовую природу, то есть они представляют собой определенный объективно-правовой ценностный порядок, на который и должны ориентироваться государство и все его органы. Это ориентир и для законодателя, а значит, предоставляющий возможность проверить и закон на предмет его соответствия Конституции и прежде всего этим самым основным правам. Это то, что дает возможность действовать

основным правам непосредственно, причем, возможно, непосредственно не только в отношениях "гражданин – государство", но и в частных отношениях. Поэтому это отражающее действие ценностного порядка и на частные отношения тоже крайне важно.

Как видите, вопросов много. И, действительно, перед научным сообществом до сих пор стоят вопросы о природе основных прав и об их значении. Спасибо большое за внимание.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо большое.

Павликов Сергей Герасимович, профессор кафедры конституционного права имени Витрука Российского государственного университета правосудия.

У нас осталось два докладчика.

С.Г. ПАВЛИКОВ

Спасибо. Наверное, самое лучшее, что я смогу сделать, – это добровольно в порядке, как говорили, трудовой самодисциплины до одной минуты сократить время своего выступления. Я думаю, это будет уместно.

Я хотел бы сказать, что первые слова, которые здесь прозвучали, были о том, в какой ситуации принималась Конституция. Я прежде всего преподаватель. Каждый день я вхожу в студенческую аудиторию и призываю к тому, чтобы студенты посмотрели, насколько это был важный шаг и насколько трудно 25 лет обеспечивать стабильность важнейшего, принципиального документа. Помогает нам в этом на кафедре конституционного права Российского государственного университета правосудия, конечно же, общение с судьями Конституционного Суда и Верховного Суда.

Есть и другие ситуации. Например, в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации,

профессором которого я также являюсь, очень часто встает вопрос о том, что Конституция... Ну, сейчас студенты – люди такие активные, они говорят: нет регулирования экономики. Что мы делаем? Иногда просто предлагаем: напишите эту главу сами. И когда они видят, что там халва, халва, халва, а слаще-то не становится, то у многих пыла принять что-то новое убавляется. А когда они еще при этом почитают акты Конституционного Суда, такая уверенность крепнет еще больше.

Я хотел бы поблагодарить за возможность выступить. И еще, может быть, одно (я не знаю, сказать это или нет). Во многое, что я здесь услышал, я верю, например в то, что это будет реализовано. Но позволю себе сказать, что я сегодня заблудился на 7-м этаже. И, вы знаете, когда я пошел за Денисом Васильевичем (казалось, так уверенно он шел, так уверенно вывел меня в этот зал), то понял, что все получится, все проекты. За это тоже отдельное спасибо.

Все, я завершаю. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо.

И Колосова Нина Михайловна, главный научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Н.М. КОЛОСОВА

Добрый день, коллеги! Я хотела бы очень коротко остановиться на проблеме соотношения независимости и самостоятельности и проблеме ограничения свободы на примере парламентариев. И здесь видятся две проблемы, которые следует штрихами обозначить.

Первая проблема – это расширение оснований для лишения избирательных прав. При всем уважении к Конституционному Суду не могу согласиться с его позицией, что, расширяя основания, которые предусмотрены в статье 32 Конституции Российской Федерации, когда не могут избираться и быть избранными лишь люди, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда и признанные недееспособными... Конституционный Суд сказал, что законодатель может расширять эти основания со ссылкой на статью 55 Конституции. Как мне представляется, это совершенно разные статьи, потому что в статье 32 речь идет о лишении конституционных избирательных прав, а в статье 55 – об ограничении конституционных прав. И если говорить о том, что нужно расширять эти основания, то только в рамках толкования статьи 32 Конституции (что такое, предположим, недееспособность).

Сейчас идут научные дискуссии о том, что чтобы ввести образовательный ценз избирательный. Пожалуйста, можно назвать это "правовая недееспособность", и это будет в рамках Конституции, но уже решение Конституционного Суда должно быть. Я штрихами говорю.

И второе, самое главное, – это основания прекращения полномочий парламентария. Я с 90-х годов работаю после принятия Конституции, и там основным риском нарушения независимости был этот институт неприкосновенности, который мы постоянно обсуждали и, соответственно, искали пути совершенствования процедуры.

Теперь же, если посмотреть, устойчивая тенденция – расширение оснований прекращения полномочий парламентария. Во-первых, не разделяют на два термина, то есть все идет как прекращение полномочий. А речь идет о том, что должны быть

разделены понятия утраты полномочий (когда это независимо от воли) и, соответственно, лишения полномочий (сейчас все это обозначается одним словом – "прекращение"). Лишение – это когда против воли парламентария. И что получается? Вот посмотришь – каких там только оснований нет. Причем эти основания не всегда носят конкретный, определенный характер.

Что я могу предложить? Если речь идет все-таки о прекращении полномочий, ввести такую меру, как предупреждение. Предположим, не представил сведения, забыл или... Иногда ошибки бывают – о супруге... Я вот статью написала в газету – оказалось, мне заплатили, я даже не знала.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо, что не парламентарий.

Н.М. КОЛОСОВА

Да, хорошо.

То есть, может быть, выделить какие-то основания существенные и несущественные – которые можно исправить.

Предпринимательская деятельность. "Я считаю, что не занимаюсь..." Вот тебе, пожалуйста, срок какой-то разумный – исправляй. Если ты это исправляешь – значит, вопроса нет. Не исправляешь, настаиваешь на этом – тогда уже решать вопрос о прекращении полномочий.

Конечно, противодействие коррупции – это важный фактор, но вот так все подводить под противодействие коррупции... Тогда у нас скоро расширение оснований прекращения полномочий приведет к тому, что уже будет искажаться сущность неприкосновенности, независимости парламентария. А это уже качество управления нашим государством. Спасибо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Спасибо.

Уважаемые коллеги, кто-то еще хочет высказаться, что-то предложить?

Д.С. ГАНИЧ

(Микрофон отключен.)

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Давайте. Только представьтесь и коротко формулируйте свои мысли.

Д.С. ГАНИЧ

Денис Ганич, информационное агентство "Национальный курс". Вопрос к Елене Борисовне скорее.

Поскольку Вы говорили, что Конституция принималась при определенных условиях 25 лет тому назад, и 25 лет все-таки прошло, сейчас изменилась ситуация и внешнеполитическая, и внутренняя в стране. И последний опрос Фонда общественного мнения показывает, что 66 процентов граждан выступают за изменение Конституции, за возможность ее пересмотра.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

В каком плане? "Мы хотим изменить Конституцию..." В каком плане?

Д.С. ГАНИЧ

Ну, вообще люди готовы ее изменить.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Ну, потому что вопрос так формулируют, понимаете?

Д.С. ГАНИЧ

А теперь, если позволите, конкретно вопрос: может быть, пора действительно хотя бы на уровне Совета Федерации, в формате парламентских слушаний или еще в каком-то, поднять вопрос об изменении Конституции – в частности части 4 статьи 15?

Мы знаем, Елена Борисовна, Вы поднимали этот вопрос, поднимал его глава Следственного комитета.

Е.Б. МИЗУЛИНА

И Валентина Ивановна.

Д.С. ГАНИЧ

Да, и Валентина Ивановна, назвав это правовой диверсией.

И части 2 статьи 13, которая запрещает государственную идеологию. Спасибо.

Г.М. РЕЗНИК

О господи!

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо за вопрос.

Да, я считаю, что назрело время для внесения изменений в Конституцию, потому что... Конституция 1993 года (я проанализировала архивные материалы) фактически избежала двух основных моментов, двух рисков (я их озвучила), позволила их устранить – это риск возврата к единой идеологии (кстати, статья 13 Конституции как раз связана с тем, что в течение 70 лет одна идеология была господствующей и ограничивала наше развитие) и риск распада РСФСР, потому что начались такие же процессы, как в СССР. Права и свободы человека и гражданина и заимствования из международно-правовых норм стали опорой для того, чтобы вести эти дискуссии и создать условия, когда возврат к прежней системе – к одной идеологии, к диктатуре – был бы невозможен. Мы действительно это получили. Но мы должны признать, что все-таки Конституция 1993 года решала те политические задачи. И я считаю, что она их решила. Она осталась, на мой взгляд, переходной, поскольку даже закон о Конституционном Собрании не принят, а это означает, что она не завершена, система законодательства

полностью не структурирована. И здесь поднимали вопрос о том, что нужно систематизировать законодательство. У нас такой огромный массив! Причем я анализировала и подзаконные акты. К сожалению, их число невероятно. Систематизации законодательства нет. Мы живем в условиях, когда оно очень несистемно. То, что сегодня существует Интернет, что выставляются все законы, которые существуют, — здорово.

Но я попыталась систематизировать сама, оказалось, что у нас реально базовых законов (то есть базовых, не о внесении изменений, а базовых) тысяча, а все остальное — это подзаконные акты либо законы о внесении изменений. Они в этом массиве не дают нам понять, в какой системе права мы живем. Ну и, естественно, то, что 66 процентов населения высказывается за изменение, связано еще и с тем, что действительно справедливость как ценность... Вроде бы богаче стали жить, многое получилось, многое замечательно, а чувство неудовлетворенности, несправедливости осталось. Единственный источник справедливости, чтобы она одинаково понималась, — это все-таки религия (нам никуда от этого не уйти), религиозная традиция, а точнее для нас — правовая. И вот нужно посмотреть... Потому что она у нас всегда совпадала... И совесть, понимание... То есть если бы все, кто принимает решения, из одинаковых постулатов справедливости, нравственных ценностей исходили, ну, или из схожих... потому что разная религия, а все равно схожи эти постулаты. Как-то можно это иначе зафиксировать, но я не знаю как. Мы как могли попытались сформулировать, включая и совесть, и многие принципы.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Вот в советское время единую идеологию сформулировали.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Единая идеология... Вот давайте отдельно по советскому времени поговорим, это не так просто. Моральный кодекс строителя коммунизма появился уже после войны.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Уважаемые коллеги, любой процесс славен результатом.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Общественный запрос на изменение есть.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Результат той идеологии в том, что большинство здесь сидящих воспитывалось в той идеологии, они стали уважаемыми людьми и получили правильные ориентиры. Поэтому это вопрос большого спора – нужно это или не нужно. У каждого своя точка зрения.

Г.М. РЕЗНИК

Можно буквально?..

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Генри Маркович, если только коротко.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.)

Г.М. РЕЗНИК

Елена Борисовна, я не понял, Вы что сказали – что эта Конституция переходная, что ли? К чему нам переходить, простите? С категорией справедливости очень осторожно надо обращаться, потому что это категория такая... Нет справедливости, есть ощущение справедливости. Правды хотят, да? Пускай идут в церковь или к психотерапевту. И когда Вы сказали, что вообще у нас в принципе-то право (вначале я удивился) должно как-то на религии основываться... Есть такое стихотворение: "По законам органическим россы не наделены здравым смыслом юридическим,

сим исчадьем сатаны. Широки натуры русские, нашей правды идеал не вмещают формы узкие юридических начал". Право действительно обеспечивает тот уровень, о котором Бердяев сказал прекрасно: оно не может превратить жизнь в рай, но оно не дает ей превратиться в ад.

И поэтому я считаю (все здесь компетентные люди) единственной... Всем нам известно, что был перекося с самого начала. Мы создали суперпрезидентскую республику, понятно. Я считаю, что должна быть президентской Россия, не парламентской. Но вот эти полномочия между президентом, между правительством и парламентом... Конечно, с самого начала осознавалось, это делалось не под личность Бориса Николаевича, это делалось под президента-реформатора (1993 год, понимаете). За этим исключением, я считаю, основные главы должны в неприкосновенности оставаться. И, когда уважаемый Сурен Адибекович (он ушел) сказал, что есть Конституция юридическая, а есть фактическая, он неточно выразился. Он же не критиковал Конституцию, он говорил о том, что вот то, что в Конституции записано, нарушается, нарушается в федеральных законах, нарушается в правоприменении. Ну, простите, это жизнь, всегда есть писаная норма, а есть жизнь. И есть какие-то интересы. Они бывают действительно невыдуманными, политическими, конъюнктурными и прочими.

Молиться на Конституцию надо, Елена Борисовна. И Вам спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Микрофон отключен.) Я молюсь в другом месте и по другим...

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Генри Маркович, я как раз, знаете... Когда Татьяна Николаевна выступала, она такую фразу бросила – что 25 лет назад

все, что мы делали, делалось на маленьких кухнях в пятиэтажках. Поэтому Конституция неприкосновенна. Во-первых, у нас кухня становится больше, а во-вторых – у нас реновация, мы отказываемся от пятиэтажек, так что негде будет обсуждать. Но это так, в качестве шутки.

Г.М. РЕЗНИК

В новых квартирах жить по Конституции.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Уважаемые коллеги, есть еще вопросы, какие-то замечания, высказывания?

Е.Б. МИЗУЛИНА

И все-таки, я считаю, обсуждать надо, бояться этого не надо. Потому что на самом деле когда мы открыто обсуждаем, то многие вещи проясняются. Коллега приводил пример (и я хочу его поддержать), что, когда предлагаешь написать тексты и люди их предлагают, ты убеждаешься, что они не годятся. Поэтому, если есть такая потребность (а она есть), это надо обсуждать. Это позволяет понять еще раз, что же мы приняли, что в нашей Конституции, одинаково ли мы понимаем ряд ценностей. Это очень важно и для единения общества.

Поэтому я за открытое обсуждение. А уж дальше – это вопрос времени.

Г.М. РЕЗНИК

Мы по-разному многое понимаем, Елена Борисовна. С этим ничего не сделаешь.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень хорошо.

Е.В. АФАНАСЬЕВА

Уважаемые коллеги, спасибо огромное. Окончание наших парламентских слушаний было очень активным. И мы сейчас с зарядом бодрости и энергии уходим продолжать рабочий день. Берем три-четыре дня. Если можно, представляйте предложения, замечания в проект рекомендаций наших парламентских слушаний. Спасибо.
